молвіи совершилось великое дѣло духовнаго возрожденія, и никто даже не зналъ о той внутренней работѣ, которою созидался духовный человѣкъ. Воспоминаніе о ней не перейдетъ даже въ потомство, ибо она никому не была извѣстна. Такимъ образомъ его нравственная борьба, искушенія, побѣда надъ ними, словомъ—вся та внутренняя жизнь, которая и составляетъ всю суть *нравственнаго возрожденія*, не дадутъ ему ничего. Весь личный трудъ поглощается безличной цѣлью.

Такова ли цѣль, таковъ ли смыслъ жизни, на которыхъ могъ успокоиться графъ Толстой?

Давно тому назадъ, С. П. Боткинъ, поминая погибшаго во цвѣтѣ лѣтъ доктора Бубнова, писалъ: «осталось въ утѣшеніе одно — сказать себѣ: *онъ былъ!*» («Новое Время», отъ 21 декабря 1884 г.). Далѣе этого утѣшенія не идетъ и графъ Толстой.

Какихъ именно религіозныхъ убѣжденій держался Нехлюдовъ — этого изъ романа не видно. Вначалѣ, вѣроятно, какъ и тысячи другихъ, онъ былъ довольно равнодушенъ къ ученію церкви о добрѣ и злѣ, и о смыслѣ своего земного странствія. Но видъ осужденной Катюши его перевернулъ. Онъ возгорѣлся желаніемъ помочь ея судьбѣ и раскаяніе въ своемъ поступкѣ не даетъ ему покоя. Мы видѣли его въ этомъ настроеніи во все время слѣдованія каторжныхъ по Сибири и до момента помилованія Катюши. Тутъ ему